

Священник Константин Костромин

СВЯТОСТЬ В ДРЕВНЕЙ РУСИ, ИЛИ ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ МИФОВ

Рецензия на: *Князев Е.А.* Власть и святость в Древней Руси. М.: Посев, 2011.

Названия книг бывают обманчивы. От иных, если судить по названию, многого не ждешь, но за обложкой встречаешь потрясающе глубокое и интересное исследование. Но бывает и наоборот — за многообещающим названием скрывается самая что ни на есть обыденная посредственность. Бывает и нечто промежуточное: в целом непримечательная книга приоткрывает неожиданный талант автора, явно не относящийся напрямую к теме, им выбранной, но все же демонстрирующий незаурядность.

Пожалуй, именно такое впечатление производит книга доктора педагогических наук профессора Е.А. Князева.

Казалось бы, трудно найти более перспективную и увлекательную тему, чем взаимоотношения власти и тех, кто прославил себя тем или иным христианским подвигом. Или, иначе, как строились отношения Церкви и властных структур в различные периоды русской истории. Объем книги — немногим больше 400 страниц — заставляет угадывать, что за аскетичной обложкой скрывается подробное описание какого-то или каких-то захватывающих сюжетов из истории церковно-государственных отношений или несколько суховатый аналитический обзор предпосылок, характеристик, условий, последствий и динамик развития.

Первое, что заставляет усомниться в том, что первоначальные ощущения верны, это знакомство с оглавлением. По нему видно, что, во-первых, хронологический охват огромен — от каких-то доисторических предположений до смутного времени, то есть почти полторы тысячи лет (даже для обобщающего аналитического обзора это слишком). Во-вторых, сюжетная разбивка столь мелка, что становится очевидным — на каждый сюжет приходится всего по несколько страниц.

Приходит первое разочарование: значит, я купил очередной поверхностный учебник по истории России! Но причем тогда такое специфическое назва-

Священник Константин Костромин — кандидат исторических наук, кандидат богословия, преподаватель, заведующий аспирантурой Санкт-Петербургской православной духовной академии.

ние? И почему в аннотации к книге она названа исследованием? Может, все-таки содержание книги развеет налетевшие сомнения?

И вот здесь начинается самое главное. Уже во введении обнаруживается склонность автора к парадоксальным, вплоть до полного взаимоисключения, выводам. Так, самые выдающиеся труды по истории оказываются созданными «не благодаря либеральным веяниям», а вопреки «непросвещающему просвещению» периода контрреформ, но при этом «монументальный труд» С.М. Соловьева появился как раз в период революционных реформ Александра II и был глубоко традиционен (С. 4). Е.А. Князев убежден, что основой работы историка служит не ремесло, а творчество, однако с презрением отзываясь об одном из самых творчески одаренных русских историков — Л.Н. Гумилеве (С. 6). Автор склонен к триумфированной апологетике таких сомнительных наукообразных построений как «междисциплинарное россиеведение», которое якобы способно преодолеть несовершенство традиционной исторической науки (С. 9–10).

А что же дальше? Может быть, этот инновационный подход может совершить преобразование наших представлений о себе сегодняшних и нашем прошлом? Увы. С первых же страниц появляются совершенно нереалистичные, родившиеся в голове автора образы «смуглолицых, длинноволосых и бородатых кочевников» (С. 13), «остроглазых охотников», ведущих «вольную жизнь» — славян (С. 25). Упрощенный пересказ учебника, сдобренный сомнительного качества художественными украшениями, — таким предстает перед читателем текст книги о власти и святости.

А причем тут святость? — спросит читатель. Приходится с ним согласиться: первая святость — рассказ о крещении Руси — появляется лишь на 69 странице. И далее следует полуисторический-полухудожественный рассказ, в котором, как в калейдоскопе, мелькают образы, факты, мысли, обобщения — как в книге для чтения в старших классах школы. И, как в учебнике, масса недосказанностей, легковесное скольжение по историческому сюжету.

Данная рецензия, как некий парафраз, написана в легком стиле, как бы подражая книге, которой посвящена. Но вывод будет вполне серьезен. Прежде всего удручает то, что под видом исторических исследований на книжные полки магазинов попадают книги, столь сильно искажающие историческую действительность и наши знания о ней. Любым делом должны заниматься профессионалы, и когда речь идет о педагогическом подходе к истории, вероятно, следовало бы наладить сотрудничество историка и педагога, а не пытаться одному человеку заниматься несвойственной ему работой.

Еще более недопустимо, если история попадает в руки банального фантаста. Тогда в результате появляются такие перлы, как «труды» Н.Р. Гусевой или «академика» В.М. Кандыбы об арийском происхождении Руси. Книга Е.А. Князева, конечно, сильно отличается от такой псевдоисторической литературы, но все-таки что-то от фантастики в ней безусловно есть (необходимо оговорить, что и от многих трудов маститого историка академика Б.А. Рыбакова «отдает» фантастикой; но то был автор, таланту которого завидовали многие, и его фантастика настолько граничит с действительностью, что проникает в прошлое как в органичную среду, делая автора почти прозорливым).

Необходимо также отметить, что после падения атеистической идеологии некоторые уверенные в себе интеллигенты стали навязчиво вмешиваться в дело духовного просвещения, опираясь на свой деформированный опыт понимания того, что есть духовность. Однажды автора данной рецензии попросили написать отзыв на сочиненный бывшим журналистом учебник по предмету «Основы православной культуры». Казалось бы, слова «Бог», «духовность», «Церковь» и «религия» просто пестрели на страницах его учебника, и все-таки учебник не был посвящен основам православия. Скорее, посредством этого специфического набора терминов автор книги настойчиво протаскивал в сознание будущих читателей представления о либерализме, демократии, толерантности, социально-политической активности и осторожном патриотизме. Такие книги не имеют ничего общего с духовностью и православием и не занимают ту особую нишу в религиозном просвещении, на которую претендуют.

К сожалению, книга, которой посвящена данная рецензия, относится к числу таких изданий.